

А
П. Н. Красновъ

Мантыкъ, охотникъ на львовъ

Повѣсть

1928

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Таинственное завещаніе

I

ГАЛИНКИНЫ СНЫ

Это была совсѣмъ маленькая комната очень скромнаго отеля. Комната на шестомъ этажѣ узкаго высокаго дома, точно сѣрая башня вытянувшася вверхъ надъ маленькими темными сараями, складами и гаражами окраинъ Парижа. Внизу -- вѣчный сумракъ дыма, копоти и пыли, духота, вонь автомобилей, угольная мгла, лязгъ желѣза и грохотъ грузовиковъ,верху -- изъ окна -- бездонное, вѣчно красивое, непрерывно мѣняющееся небо, широкій видъ на Парижъ, и, въ легкой дымкѣ воздушнаго марева, сквозная, какъ полоска кружева, Эйфелева башня. Ночью, на темномъ фонѣ неба, надъ фонарями бѣгущихъ внизу улицъ, она сверкала наглыми пестрыми огнями яркой рекламы:

-- Ситроень!.. Ситроень {Ситроень -- Парижскій фабрикантъ автомобилей.}!..

Въ комнатѣ очень тѣсно. Одно окно безъ занавѣски. Хозяинъ считалъ лишнимъ ее вѣшать, когда окно глядитъ въ непредѣльную даль. Широкая французская кровать. Въ одномъ углу умывальникъ, въ другомъ, за занавѣской изъ дешеваго ситца, на ивовой корзинѣ, привезенной изъ Россіи и старомъ, сильно потертомъ чемоданѣ узенькій матрасикъ и желтосѣрое, истрепанное, англійское солдатское одѣяло -- скромная, бѣдная постель. А за тѣмъ -- крошечный столикъ, на которомъ всегда лежала какая-нибудь работа:-- чулки для штопки, чья-нибудь рубашка, блузка, или штаны, катушки съ нитками, шерсть, ножницы, и два соломенныхъ, простыхъ стула, такихъ, какіе привозятъ на баркахъ и продаютъ прямо на улицахъ. Все говорило о бѣдности. Но всегда въ этомъ маленькомъ номерѣ были порядокъ и чистота, за этимъ слѣдили жильцы -- Ладогины.

Ихъ трое: -- "мамочка" -- Наталья Георгіевна Ладогина, ея дочь Галинка и братъ Галинки -- Коля. Это онъ-то и спалъ на постели, сооруженной на корзинѣ съ чемоданомъ.

Сѣрый, дождливый октябрьскій вечеръ. Галинка одна, больная, въ легкомъ жару, лежитъ на краю широкой кровати. Шумъ города, трескъ, лязгъ, гудки, звонки, -- непрерывной, томящей музыкой плывутъ въ комнату и навѣваютъ Галинкѣ тревожные, безпокойные сны. Иногда она просыпается и тогда ея думы сливаются со снами и она сама не знаетъ, гдѣ сонъ, гдѣ мысль, гдѣ явь.

Въ комнатѣ темно. Окно сѣрымъ пятномъ выдѣляется на стѣнѣ. За нимъ мигаютъ, переливаются огни Эйфелевой башни. То расцвѣтятся, распустятся пестрой, сверкающей цвѣточной гирляндой, то покроютъ ее нѣжными золотыми вѣночками изъ листьевъ, то закричатъ, большими буквами: -- "Ситроень!.. Ситроень!.." и тогда станетъ жутко Галинкѣ. Точно давить на мозгъ это страшное, непонятное ей слово рекламы, точно говоритъ Галинкѣ о многихъ тысячахъ рабочихъ, стоящихъ въ этотъ сумрачный вечеръ у раскаленныхъ фабричныхъ печей и мѣрно жужжащихъ станковъ.

Не стихая мигаютъ огни... Настоящій кошмаръ... Въ окна бьетъ холодными струями осенній дождь. Впереди долгій вечеръ и одинокая ночь. Мамочка придетъ не скоро. Она сегодня дежурная въ ресторанѣ, гдѣ она служить... Мамочка придетъ усталая и сейчасъ же станетъ хлопотать, готовить Галинкѣ чай, разогрѣвать что-нибудь на ужинъ, а потомъ спустить внизъ съ потолка электрическую лампочку и станетъ чинить и штопать до утра.

Бѣдная мамочка!

Какъ хорошо все это было во снѣ, такомъ странномъ и чудесномъ, гдѣ совсѣмъ, какъ въ сказкѣ, на помощь мамочкѣ явился котъ Маркизь, сѣрый, пушистый, въ черныхъ полосахъ котъ консьержки*) ихъ отеля, мадамъ Булэ. Ахъ, какъ онъ былъ милъ! Объ этомъ Галинка непременно расскажетъ Колѣ... Можетъ быть л мамѣ, если мама ее станетъ слушать. Мама не повѣритъ, что это можетъ быть, Коля посмѣется и повѣритъ, сдѣлаетъ видъ, что повѣритъ и помечтаетъ вмѣстѣ съ Галинкой.